

“Мне вернулись сны о войне”

Алекс. Комсомолец, 1995.
6 июня — А.З.

Каждую неделю в комиссии по помилованию проходят заседания, на которых решаются чьи-то судьбы. Председатель комиссии известный писатель Анатолий Приставкин согласился дать интервью корреспонденту “МК”.

— Алесь Адамович как-то сказал о комиссии по помилованию: “Я не Господь Бог, чтобы решать: жить человеку или умереть”. Как чувствуете себя вы, возглавляя ее?

— Когда я встретился с Алесем (он пришел к нам в комиссию по просьбе Булата Окуджавы), он произнес эти слова и рассказал удивительную историю. Может быть, он вам ее рассказывал лично; он не мог не рассказать этого дома. Будучи в партизанах, он сидел в засаде с таким же мальчишкой, как он, когда на них вышло два немца. “Вот тогда я был Господом Богом и мог решить их жизнь, — сказал он, — а сейчас, решать чью-то судьбу, я не вправе”. И я сказал ему то, что я говорю всем, кто приходит в комиссию, и самому себе: “Эти люди уже приговорены к смерти, без нас их давно бы уже казнили; мы работаем только в сторону их спасения. Мы не решаем их жизнь и смерть — мы решаем их жизнь, а смерть их давно уже решили. Без нас”.

— Вы говорите, что 14 указов о расстреле — это ваши слезы, но есть казни — и Казни. Есть преступники вроде Чикатило, а есть невиновные.

— Невиновных не бывает. Они виноваты, но скорей виновато общество, что их довело до свинского состояния, сплющи и заставили убивать. В, так сказать, мирной, нормальной, российской жизни они ничего другого не умеют и не будут делать.

— Насколько результативна деятельность комиссии?

— По данным исследований института МВД, нам известно, что человек, отсидевший срок полностью, совершает преступления в три-четыре раза чаще, чем отпущенный хотя бы на полгода раньше. С 5 марта 1992 года по нынешний март рассмотрено 17 593 материала по уголовным преступлениям, помиловано 16 062 человека. За это же время подписаны указы в отношении 364 осужденных с приговором о смертной казни — из них помилованы 338 человек, отклонены 26 прошений. В то время как до нас

Писатель и “Власть”

казнили от 500 до 700 человек. В год. А за ближайшие 20 лет была казнена 21 тысяча человек.

Я вошел в Комиссию по соблюдению прав человека в Чечне и выезжал туда. Я пришел в ужас. Когда я попал в Чечню, мне вернулись сны о войне. Я увидел, что нет защиты от насилия в том государстве, которое никого не пожалевает и будет убивать столько людей, сколько надо политикам, военным, — тем, кому нужна война. Дальше, как говорят, народом больше, народом меньше... Радует то, что возникло удивительное движение солдатских матерей, что среди массы оголтелых, продажных слышны пока еще разумные голоса, что мы не растеряли — при семидесятилетней человеческой антиселекции — хороших, разумных молодых ребят.

— Как отразилась общественная деятельность на вашей жизни?

— Она отразилась на моем отношении к стране, к народу. Я стал о нем хуже думать. Это — спившаяся, деградировавшая нация. Народа нет (это мысль Нагибина) — есть толпа, население, которое объединено одной мыслью: как обокрасть это государство, которое мы считаем врагом. Мы все время пытаемся у него что-нибудь украсть.

— А сейчас вы успеваете писать?

— Пытался писать, есть набросочки, заделки, но настолько выматывает ежедневное чтение дел, все дни здесь (в комиссии). — А. К.), встречи, корреспонденты и телевидение, что на творчество остаются только суббота с воскресеньем или короткие каникулы. Иногда думаю, что вот-вот это все к чертовой матери кончится, и тогда реализую те немногие планы, что остались для моей жизни.

Но если бы меня спросили, чего я хочу, — я хотел бы быть фермером, разводить лошадей, как Фолкнер.

Анна КОВАЛЕВА.